

Мнение историка

Б. Н. Миронов. От коренизации к суверенизации: как готовилась дезинтеграция СССР (3-24)

Т. Ю. Красовицкая. «Ах, товарищи потомки, — на хитрости строился социализм» (24-36)

А. Я. Дегтярёв: Исследование фундаментальных причин распада СССР — актуальная задача нашей науки (36-39)

Р. Г. Суни: Национальный вопрос и распад Советского Союза (40-42)

Красовицкая Т. Ю. «Ах, товарищи потомки, — на хитрости строился социализм» // Российская история. 2021. № 12. С. 24-36.

Статью, переполненную статистическими расчётами, Б.Н. Миронов завершает вопросом: «Можно ли считать советский национальный проект состоятельным? Мнения на этот счёт разделились. Мне представляется заслуживающей уважения точка зрения, согласно которой объективно Советский Союз был не “тюрьмой народов”, а “колыбелью наций”, “империей позитивного действия”, питомником для выращивания и конструирования национальных государств». Здесь, по сути, сведены в одну две проблемы. Первая – это оценка состоятельности советского национального проекта. И вторая – был ли Советский Союз (инструмент этого проекта) таким «питомником»? Оценка «колыбель наций» ни армянам, ни грузинам, ни евреям, да и многим иным, не пришлось бы по вкусу.

Но Т. Мартин действительно «осовременил» оценку СССР – первой страны, где разрабатывались программы положительной деятельности в интересах национальных меньшинств. Идеологический контент интернационализма – программное положение о равенстве шансов – автор заменил концепцией Affirmative Action, заложив в неё преференции «положительного (позитивного) действия». Образование СССР он считал исторической премьерой: ни одна страна не сравнилась с советскими начинаниями по масштабности¹. В 1920-е гг. удавалось организационно сочетать советский интернационализм с этнокультурными интересами в том, что Мартин выразил формулой «империи аффирмативных действий». Не сбросишь со счетов интересный опыт слияния интеллектуальной истории и политической практики, возможностей осмысления в ней хитросплетений этнических и советских идентичностей.

Большевики пытались придать национальным элитам влияния и отправляли «на места» лояльных представителей. Именно эту линию поддерживает и Миронов, подробнее исчисляя снижение в республиканских структурах власти доли русских. Для анализа автор использует, по его мнению, адекватные источники – всесоюзные переписи населения 1926, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг., содержащие сведения об этническом составе управленцев разных сфер и уровней, а также и Всероссийскую перепись 1897 г., видимо, для сравнения её с советской практикой. Эти данные исследователь, ссылаясь на демографов, в своей недавно опубликованной работе считает удовлетворительными². То, что в используемых им переписях численность проживающих в стране этносов представлена не полностью (а переписи 1920, 1937 и 1939 гг. отсутствуют), кажется автору несущественным. ⁴ Мне же представляется выпадающий из анализа период 1920–1939 гг. ключевым, определяющим судьбу этнических элит в СССР. На нём стоит сосредоточить внимание, учтя, что данные переписи 1926 г. сильно «проигрывают» в сравнении с более поздними, но не будем отвлекаться на анализ источника, исчисление количественных данных – сильная сторона Миронова.

Формула Мартина в постсоветский период охотно использовалась отечественными историками, не усматривавшими в ней неокOLONIALНЫЙ смысл. Но ещё Н.А. Бердяев намекал: «Большевизм гораздо более традиционен, чем принято думать»³. За скобками

изучения Мироновым проблем советского нациестроительства и роли в нём этнических элит остаётся огромное количество мотивов.

Для большевиков нациестроительство (право на самоопределение!) в империи, перестраиваемой в федерацию – нежелательный, но неизбежный способ умиротворения «национальных окраин». В распадавшемся культурно-историческом пространстве они воплощали собственную мечту о всемирной республике Советов. Ленин хотел использовать колбу большевистской диктатуры для выращивания из отсталых народов бывшей Российской империи индустриальные нации. Но чтобы после победы мировой пролетарской революции «слить» их в «общечеловеческий котел», пришлось пойти на уступки: приспособлять имперское этническое разнообразие к федеративной конструкции. Сыграла свою роль и политическая даровитость Владимира Ильича, сумевшего «тактически» уйти от суровых обстоятельств (Брестский мир, решения Учредительного собрания и проч.). Декларирование федеративного устройства России сблизило его (не сказать, что искренно), с национальными элитами, которые требовали полноправного участия в федеральных структурах власти.

Подход к этнической элите как целокупной генерации строителей советского проекта (а именно так приходится воспринимать использование Мироновым статистических данных) делает трудным её качественную оценку. Легче всего утверждать: практически все они были сторонниками федеративной республики. Другое дело, в чьей интерпретации – собственной, советской или Учредительного собрания.

Верны ли были представления большевиков, что потенциал генерации элит не соответствовал уровню подлежащих решению задач? Для ответа на этот вопрос посмотрим, какая карьера была предложена посланникам в центр с мандатами своих национальных съездов. Здесь нам придётся опереться на собственные расчёты данных Народного комиссариата по делам национальностей (Наркомнац). Тем более что руководитель его возглавил те процессы, которые Миронов (и не только он) именуется «нациестроительством» («колыбелью»). Попробуем расставить «кадровый» кроссворд из сотрудников Наркомнаца на советском этнополитическом поле с учётом революционных вызовов и сложных процессов, вызванных как общемировыми тенденциями, так и особыми для России обстоятельствами.

Российская империя содрогалась от грохота международных конфликтов и внутренних революций. Значительного размаха достигло общественно-политическое движение. Университеты и институты становились очагами студенческой вольницы. Они опасно приблизили молодёжь к левым экстремистам с их презрением богатства, неуважением к человеческой жизни, оправданию насилия ради высшей цели. Позади остались русско-японская война, Первая российская революция, Первая мировая война и Февральский переворот. Никуда не делись и изоляционизм, провинциальное российское мессианство. Но в революционную эпоху всё сорвалось с привычных мест. Люди беспокойные, менявшие места учёбы, службы, работы, места жительства и даже стили жизни (кадеты называли бы их маргиналами) устремились в первые органы исполнительной власти революционной России. Каждый из них – пример интеграции социальности и индивидуальности.

В политическом мейнстриме первых десятилетий советской власти выделялось доминирование трёх групп этнических элит. Первым, наиболее образованным, в региональной историографии посвящены солидные публикации, но упускается их вклад в зарождение советских федеральных структур власти. Из Учредительного собрания в Наркомнац пришли Я.Я. Анвельт, С.Я. Бобинский, М.М. Вахитов, Ю.М. Лещинский, Ш.А. Манатов, Г.Г. Пегельман, М.Н. Полозов, М.Э. Расулзаде, Ф.А. Розин, В.Ш. Таначев, Г.Х. Терегулов, И.С. Уншлихт и, конечно, И.В. Сталин⁴. Большая часть Учредительного собрания ушла в антисоветский стан и эмигрировала, продолжая при этом ревниво следить за победами и поражениями оставшихся в СССР соратников. Вторая группа – активисты разных партий (национальных и общероссийских) – левела и теряла поддержку в своих

сообществах. Её представители были вынуждены блокироваться и с первой, и с третьей группами, причём последняя интенсивно пополнялась активистами из местных советов и солдатских комитетов.

Руководящие должности в Наркомнаце заняли представители около полусотни национальностей. Самые крупные группы ответственных сотрудников составляли евреи (48), поляки (31), татары (25), латыши (19), осетины (18), литовцы (16), марийцы (14), армяне (13), немцы и белорусы (по 11), коми (10), киргизы (9), башкиры (8), эстонцы, украинцы, мордва, калмыки (по 7), удмурты, чувашаи, азербайджанцы, якуты (по 6). Впечатляет число ответственных сотрудников Наркомнаца с высшим образованием (64), полученным в российских и зарубежных университетах. 9 сотрудников были выпускниками факультетов восточных языков Лазаревского института, восточного отделения Военной академии, Академии Генерального штаба. К тому же, многие из них учились на историко-филологических факультетах, что открывало путь на государственную службу и в науку. У членов Совнаркома образовательный багаж оказался скромнее: лишь 4 его члена получили высшее образование (в основном – неполное). Но высший слой большевистской элиты был теснее связан с городом, знаком с современными инструментами, механизмами принятия и осуществления решений. До 1917 г. для нерусских студентов реальным оставался вариант устроиться в классическую гимназию, помощником депутата Государственной думы, в партийные структуры. Этот опыт оказывался весьма полезен, когда дело доходило до борьбы за политические права «своих» народов. Логично, что первые нападки на высшую школу большевики обрушили на историко-филологические и правовые факультеты университетов.

Знания, казалось, дадут равный статус, право формировать политические цели, выдвигать политических лидеров из «своих». В Наркомнаце 104 человека имели педагогическое образование или опыт учительства, 31 были журналистами, 21 – юристами, 20 – историками и филологами, 5 – профессорами Петербургского и Казанского университетов, 4 – специалистами-этнографами. Они знали европейскую и русскую культуру, иностранные языки, имели опыт создания и работы в национальной периодике, участвовали в легальной общественно-политической деятельности либеральных и социалистических партий, в земских и иных общественных и культурных объединениях, а потому были вполне способны отслеживать динамические процессы социальных и этнических конфликтов на фоне революционной ломки.

В своей работе сотрудники Наркомнаца (многие из которых затем перешли в Народный комиссариат просвещения) столкнулись с комплексом ультралевых, ультимативных и идеалистических взглядов интеллигенции, которая, по выражению Бердяева, напоминала «монашеский орден или религиозную секту со своей особой моралью, очень нетерпимой, со своим обязательным мирозерцанием»⁵. Находясь внутри, они менялись (хотя это было и непросто) и активно занимались пропагандой, увязывая вопросы культуры со становлением новой государственности. Им приходилось учитывать социально и ментально сложные ландшафты этнических культур, выявлять и оценивать их архаичные ресурсы. Иначе говоря, создавать фронт работ со сложной реальностью.

За переход в советские структуры власти, равно как и за отказ сотрудничать, многие заплатили жизнью. В конце 1918 г. белыми был убит комиссар по горским делам Кубано-Черноморского ревкома (затем комиссар просвещения Кубано-Черноморской республики) М. Шовгенов. Первый заведующий Удмуртским отделом Наркомнаца М. Прокопьев погиб летом 1919 г. В паровозной топке в 1919 г. сожгли председателя Центрального национального комитета бурят-монголов Восточной Сибири, идеолога европейской ориентации бурятского возрождения М.Н. Богданова. В Терской советской республике погибли народный комиссар по просвещению Я.Л. Маркус, народный комиссар по национальным делам А. Шерипов и председатель местного СНК Н. Буачидзе. Нарком Крымской республики И.А. Назукин был арестован контрразведкой ВСЮР и расстрелян. В Трапезунде погибли М. Субхи, турецкий активист, работавший в автономиях с исламским

населением, а также преподаватель арабского языка в кабардинских школах М. Фанзиев. Общественного деятеля А. Аджиева и известного публициста И. Хубиева (Ислама Карачайлы) от повешения спас Д.А. Хачиров, выкупивший их у белых. Гибли и те, кто и не помышлял перейти на советскую сторону. Так, азербайджанский министр Н. Усуббеков был злодейски убит в Кюрдамире неизвестными лицами в мае 1920 г.

В марте 1920 г. оппозиционеры убили уполномоченного Северокавказского ревкома Т.Д. Алиева. Известны факты из опубликованных документов коллекции Б.И. Николаевского и П.Н. Врангеля о насилии большевиков над ногайцами: «Во время вечернего намаза был задушен... народный кадий... Умар Газы Кулунчаков и зарезана его жена... Несколько дней спустя был зарублен большевиками законоучитель эфенди Нур-Магомет Эсполов»⁶.

Посты наркомов просвещения в республиках разного ранга заняли, за редким исключением, образованные и авторитетные выходцы из этнических элит. Они отразили важнейшую черту периода: потребность в профессионально-компетентных руководителях, знающих этнокультурную специфику региона. Активно действовали в феврале–октябре 1917 г. будущие наркомы А. Байтурсунов, С. Габиев, А. Тахо-Годи, Ш. Ахмадиев, А. Амур-Санан, И. Фирдевс и др.

Вопреки утверждениям многих авторов, в начале управленческого пути Сталин разыгрывал карту федерализма. Противостоять федералистским идеям он не мог даже в стенах собственного наркомата, откуда работники переходили (причём не индивидуально, а целыми структурами) в Наркомпрос. Известна и неудачная попытка Сталина вернуть их в Наркомнац в 1922–1923 гг., чтобы спасти его от ликвидации⁷.

Взяв курс на советский проект и одновременно смирившись с делением структур власти на условно федеративные (фактически центральные) и региональные (автономные), большевикам следовало распределить их правомочия. Правда, цель построения будущего общества ресурсами и средствами культуры виделась проблемным полем, шли дебаты и о том, что такое прогресс, что такое человек, какое нужно образование и воспитание.

Для разрушения старого мира годились левые «модернисты». В первые годы советская власть нуждалась в них. К. Малевич, чуя «дух времени», утверждал: «Взорвать, разрушить, стереть с земли старые художественные формы – как не мечтать об этом новому художнику, пролетарскому художнику, новому человеку?»⁸. Это создавало почву для взаимодействия. А.В. Луначарский вписывал модернистские ресурсы в советский проект СССР, понимая под ним внедрение советского измерения в этнокультурный контекст.

В острой борьбе за доминантный статус в первой половине 1920-х гг. модернисты ещё ограничивались указанием друг на друга «чернильными пальцами», иронизировал позже Л. Арагон. В кругах управленцев русский авангард взялся за формирование авангарда советского. Казалось, футуристическая утопия, как и коммунистическая, ориентировалась на будущее и ставила пролетариат в центр событий⁹. Вызванные «стихией» художественные формы напоминали то, что Х. Ортега-и-Гассет назвал «восстанием масс».

Поддавшись романтике революции, модернисты скоро убедились: они имеют дело с химерами. Модернистская мозаика Луначарского переплавлялась из абсурдистско-стоицистских экзистенциальных комплексов в несвободный проективизм ранних советских практик создания образа «нового» человека. Его черты отбирались из политического диалога 1920-х гг. Образ оставался прекрасной целью, идеалом утопической проекции. Он содержал в себе приметы возрожденческой эпохи: сочетание бескорыстного стремления к труду и знаниям, поэтизация городской и крестьянской жизни, производство и научный поиск, спорт и новый быт. В федеральном секторе политики многомерность жизненных процессов порождала разные направления и стили модерна. Л.Н. Андреев в сентябре 1919 г. писал о политике новой власти: «Луначарский со своим лисьим хвостом страшнее и хуже всех других Дьяволов из этой свирепой своры»¹⁰. Позже Е. Рейн припечатал в «Авангарде»:

«Это всё накануне было, Почему-то в глазах рябило, И Бурлюк с разрисованной рожей Кавальери казался пригожей... И поехало, и помчалось Кубо, эго и снова кубо, Начиналось и не кончалось От Архангельска и до юга, От Одессы и до Тифлиса, Ну, а главное, в Петрограде Все как будто бы заждались: “Начинайте же, Бога ради!” Из фанеры и из газеты Тут же склеивались макеты, Теоретики и поэты Пересчитывали приметы: “Значит, наш этот век, что прибыл... Послезавтра, вчера, сегодня!” А один говорил “дурцилбыр” В ожидании гнева Господня. Из картонки и из клеёнки По две лесенки в три колонки По фасадам и по перилам Казимиром и Велимиром. И когда они всё сломали, И везде не летал “летатлин”, Догадались сами едва ли С гиком, хохотом и талантом, В ЛЕФе, в Камерном на премьере, Средь наркомов, речей, ухмылок, Разбудили какого зверя, Жадно дышащего в затылок»¹¹.

Вольности модернистов оказались малопригодны для ответственной миссии. В черновике письма к В.Н. Билль-Белоцерковскому 1 февраля 1929 г. Сталин отметил: не следует «кривляку Мейерхольда... носить на руках»¹¹. От русских модернистов требовали рецепт раннесоветского человека (тоже модернистского, но более простого, массового и имитационного). В конце 1920-х гг. основатель и теоретик формализма В.Б. Шкловский навсегда отрёкся от формалистической ереси; конструктивисты каялись в том, что впали в конструктивизм и объявили свою организацию распущенной; «старый антропософ Андрей Белый печатно клялся в том, что он, в сущности, антропософический марксист»¹². Пока Луначарский разбирался с модернистским канонем, комкая и компрометируя его в ленинских планах пропаганды коммунизма, а политический курс всё больше забирал «вправо», к модернистам присматривались национальные элиты.

Отнесение РСФСР и СССР к федеративным государствам весьма условно. Советский проект требовал институтов, свойственных эпохе модерна. Этнические лидеры в правительствах типа Милли идарэ, Алаш-орды, Икомуса, Горского, Башкирского и проч. на востоке, Украинской Центральной рады, Белорусской народной рады и проч. на западе, стремившиеся соответствовать вызовам времени и добивавшиеся федеративного устройства, конечно, отличались наличием управленческого опыта. Но их проекты были нацелены на партнерство с центральной властью – перенести личный опыт в реальные процессы.

Федерализм оказался побочной и вынужденной ветвью партийной цели. Для Сталина одинаково неприемлемы были практики и С. Максуди (объединение на почве тюркизма и ислама), и А.-З. Валидова (если федерация, то только честная!), и Украинской Центральной Рады, и даже советский новодел – Литовско-Белорусская советская социалистическая республика (Литбел). Большевики использовали равноправие народов и федерализм как элементы своей идеологии. Монтировать их в догматические одеяния помогал Сталин. Разве можно сравнивать опыт власти этнических лидеров (их относили к «среднему типу... учителя, журналиста, адвоката», называя «мечтателями и литераторами»¹³) с революционной настойчивостью тех, кто прошёл школу большевизма? Они перемещали этнических лидеров в центр событий, используя пафос идеологических лозунгов для продвижения политического, символического, информационного продукта, формируя связи этнического с унификационно-советским.

Торг большевиков с национальными элитами определяли задачи и права федеральных структур в погоне за современным смыслом общероссийских политических проектов Наркомпроса. Консенсус в объёме прав находился с трудом. Выторгованные структуры стали использоваться как механизмы, с одной стороны, для привнесения в национальную среду современных европейских и русских ресурсов и технологий. Именно к ним лежал интерес местных элит: к современным практикам, приспособлению их к этнокультурной специфике. Идеологический полюс Октября притягивал и начинал влиять на тех, кто включился в «воспитательную» машину социализма. Их, вернувшихся в горы, осетинский журналист назвал «гостями в пиджаках, принесшими гостинцы горцам»¹⁴. Но наряду с настроенностью сохранялась и зона для диалога, прежде всего со Сталиным,

который тоже искал выход из идейного затруднения, связанного с ленинским тезисом о параллельном существовании двух культур – национально-буржуазной и интернациональной пролетарско-социалистической¹⁵. Тезис, приемлемый в обстоятельствах борьбы за власть, в эпоху нэпа стал логической преградой.

В 1920-е гг. Сталин сформулировал важные для него подходы: монополярная организация власти; ставка на административные рычаги управления; строгая иерархия политической элиты; оптимальное размещение кадров на стратегически важных постах; идеологизация политической системы в целом. Мобилизационный (административно-командный, вспомним и эту характеристику!) тип усиливала метафора «приводных ремней», их Сталин видел инструментом приведения в действие властной конструкции. Эта внутренне парадоксальная формула, претендуя на открывающуюся перспективу взаимного проникновения двух культур, тем самым дискурсивно утверждала их существование. С одной стороны, уже существовали «социалистическое» и «национальное», а с другой, – их судьба предъявлялась как конструктивно нераздельная. Так формальная логика дискурса начала утверждать политическую логику советского федерализма и федеративную картину советской политики. Она позволяла принимать решения в спорных и пограничных случаях. Большинство аргументов опирались на психологические мотивы, на взаимные обиды, неудовлетворенное тщеславие, граничащее с хитростью и ловкостью Сталина (и не только его). В лучшем случае это была конкуренция версий советского проекта 1920-х гг., во-первых, этнорегиональных элит и центра, во-вторых, элит друг с другом.

Из кабинетов Наркомнаца 8 человек направились возглавлять первые, пусть кратковременные, советские «национальные» правительства на окраинах бывшей империи. Ф.А. Розин-Азис – латвийское, В. Мицкявичюс-Капсукас – литовское, Д. Жилунович – белорусское, Я.А. Анвельт – эстонское, С. Лукашин – армянское; С.Г. Мамсуров – Совнарком Горской АССР, А.А. Бишиев – СНК Башкирской АССР, К.С. Атабаев – СНК Туркменской ССР. Лишь двое умерли своей смертью, остальные в 1930-х гг. были репрессированы.

С.Ж. Асфендиаров, А. Байтурсьнов, У. Балич, Г.И. Бройдо, М.Ю. Брундуков, С.М. Диманштейн, С.Н. Донской, А.А. Мравянц (Мравян), А.Г. Ованнисян, А.А. Полоцкий, Ш.Х. Сюнчелей, И. Фирдевс, Б.Е. Этингоф, Э.Э. Эфферт были наркомом и замнаркомом просвещения. Из них выжили Бройдо, и (чудом) Брундуков. Должности наркомов по делам национальностей заняли Г.С. Айкуни, Г.И. Бройдо, И. Фирдевс, Ф.Н. Тухватуллин, А.З. Каменский. Наркомом внутренних дел, начальником ГПУ стали: М. Авсарагов, С.М. Аржаков, Е.Б. Бош, П.Н. Макинцян, И. Фирдевс, Ф.Н. Тухватуллин. «Партийную» карьеру сделали Ю.М. Лещинский (с 1929 г. – генсек Коммунистической партии Польши), А.Г. Ованнисян (первый секретарь ЦК КП(б) Армянской ССР), С.М. Эфендиев (председатель ЦКК Азербайджанской КП(б)). Из «партийных» лишь Ованнисян пережил «Большой террор» 1930-х гг.

Властными должностями большевики стремились превратить национальные элиты в свою опору. Для этого и были предоставлены определенные формы государственности. Судя по частой сменяемости наркомов, Сталина раздражало их отклонение от интересов центральной власти, тем более от идеологических устоев системы. Он критиковал «интеллигентов-националистов», которых «внутренняя механика революции вышвырнула»¹⁶.

На фоне споров и борьбы за те или иные должности, основную работу делал Учраспредотдел ЦК и его глава Л.М. Каганович, лично создавший пресловутую схему номенклатуры. Без ведома Лазаря Моисеевича и его схемы мышль не проскакивала в кровавую мясорубку. Ленин внушал В.М. Молотову: «Власть у ЦеКа громадная. Возможности – гигантские»¹⁷.

В ЦК действительно обращались за разрешением споров, с докладными записками, увы, и с политическими доносами. «Диктует социальные вкусы “авангард партии”», – оценивал модернистские старания Луначарского Л. Сабанеев. – По отношению... вообще к

искусству в СССР принята демократическая установка – ставка на вкус широких масс»¹⁸. В мае 1927 г. Агитпропотдел ЦК ВКП(б) нацелил театральную политику на «охранительно-экспериментальные» задачи. Заведующий отделом В.Г. Кнорин уточнял: «Художественное мастерство Станиславского, Таирова, Южина и др. подконтрольно советскому государству во всех своих стадиях»¹⁹. Помощь и заимствования в такой политической практике воспринимались как контроль творческой свободы.

Сталин, эмиграция и собственный народ обрушили на национальные элиты претензии. Анализируя деятельность элит на руководящих постах, эмиграция делала нелюбимые выводы в их адрес даже после ударов по ним в разгар репрессий 1930-х гг. Общая оценка сводилась к тому, что опыт сотрудничества с советской властью мало что изменил со времен «царизма». Хотя эмигранты признавали, что «коммунисты-националы», даже свободные от «всяких признаков “буржуазного национализма”, всё же автоматически... противодействуют уравнильно-русификаторским стремлениям советской власти»²⁰. Это, конечно, преувеличение: большинство тех, кто остался сотрудничать, восхваляя сталинский курс, осваивали теорию и практику советского проекта.

Но негативное отношение партийных верхов к «местным» углублялось. Если ранее перемещение включало посылку на учёбу или в аспирантуру, то теперь снятие с должности оканчивалось арестами и ссылками. Элиты теряли поддержку народа, он видел в них олицетворение притеснений и непонятных социальных экспериментов. Ощутимых успехов их деятельность, по оценке центра, не приносила.

Но правда и в том, отмечали эмигранты, что «ввести в заблуждение представителя власти не считается грехом, ибо, в конце концов, и для коммуниста-кавказца советская власть остаётся прежде всего русской властью»²¹. Кое-какие акции удавалось смягчать, просто не выполнив распоряжение, но отчитавшись о нём перед центром. Непродолжительный опыт «с националами в роли секретарей обкомов ВКП(б)... оказался неудачным»²². Раздражение проявлялось повсеместно.

В острой дискуссии И. Карачайлы резко выступил против «высокомерия по отношению ко всему горскому», против «головотяпских наскоков», «чванства и великодержавной спеси» людей: «Вы вообще никакого Кавказа не знаете, и знать не хотите». За требованиями показать «самоновейшую классовую борьбу» скрывалось, по его мнению, «верхоглядство», «невежество географическое, этнографическое»²³.

В Киеве федеративные настроения не утихали, политика коренизации обостряла дискуссии украинцев, оставшихся в Польше, Австрии, Канаде. Нарком просвещения УССР А.Я. Шумский на заседании Политбюро 15 мая 1926 г. говорил: «В партии господствует русский коммунист, с подозрительностью и недружелюбием, чтобы не сказать крепче, относящийся к коммунисту-украинцу. Господствует, опираясь на презренный, шкурнический тип малоросса, который во все исторические эпохи был одинаково беспринципно лицемерен, рабски двоедушен и предательски подхалимен. Он сейчас щеголяет своим лже-интернационализмом, бравитует своим безразличным отношением ко всему украинскому и готов всегда оплевать его (может иногда и по-украински), если это даёт возможность выслужиться и получить тёплое местечко»²⁴.

Сталинское руководство меняло лидеров в республиках. В Башкирской АССР за один год сменились 6 наркомов просвещения (перепись 1926 г. их учла!). Решение искали в необходимости «перестроить парторганизацию», вести систематическое «интернациональное воспитание», хотя проблема заключалась в другом: СССР – особый организм и механизм социокультурного развития. Никто не пытался понять специфику нового устройства, тяжелейшую психологическую проблему, не классовую, как толковали пропагандисты, и тем более не решаемую количественным способом.

В отличие от «вертикальных» взаимоотношений национальных элит и Москвы, связи по «горизонтали» анализируются крайне слабо, хотя они отвечали за само содержание советского проекта. Центр пытался совершенствовать «приводные ремни» через сложную

пирамиду структур и должностей. Их права и полномочия закреплялись «конституционно», но верховенство ВКП(б), вдохновляемое методом проб и ошибок, носило ситуативный, прагматический характер. В результате в СССР принципы равноправия и федерализма иногда даже прорывались в практику. В 1931 г. П. Павленко писал М. Слонимскому, что Союз советских писателей «должен стать союзом соединенных штатов, федерацией группировок советских писателей-интеллигентов», но это «тяжело и, в общем, гиблое дело»²⁵.

Национальная политика большевиков изначально строилась на противоположных основаниях: централизме и федерализме. Их конфликтное взаимодействие обеспечивало господство сталинской догматики, которая требовала унификации и унитарности, исключала добровольность, вариативность и какой бы то ни было реальный федерализм. Но политические ожидания от советской федерализации наблюдались до конца 1920-х гг.

Проблема явилась и с другой стороны. Элитам, возглавившим республики разного ранга, явно не хватало людских и материальных ресурсов. Очевидно отчетливое отставание в опыте социального конструирования. Пока городское население Европы и Америки наслаждалось переходом от импрессионизма к постимпрессионизму и авангарду, в СССР большинству этнических сообществ ещё предстояло вырастить городское население, которое их оценит. Территория бывшей Российской империи по-прежнему являлась ресурсной базой советского проекта, хотя большевики стремились оторвать людей от традиционной культуры, считая её отсталой, мешающей развитию советских начал. Культура села, кишлака, аула подлежала скорому уничтожению. Но для этнических элит это была питательная среда, ещё живое социальное пространство. Неспособность модернизировать его воспринималась центром как политический сбой. В Москву текли различные отчёты, но результаты их оказались применимы лишь для неприхотливого потребления. Редко те, кого присылали секретарями партийных структур и комиссий, понимали этнокультурный контекст, вникали в сложность внутриэтнических проблем. 8 июня 1920 г. В.В. Куйбышев, работая в Комиссии по делам Туркестана, писал в ЦК РКП(б): «Что касается тов. Бройдо, Турккомиссия квалифицирует его как политического авантюриста, и его работу в Туркестане считает абсолютно вредной. Ответственная политическая работа не может быть ему поручена»²⁶. М.В. Фрунзе в 1920 г. также характеризовал Бройдо как «злого гения» Турккомиссии и «авантюриста»²⁷. Тем не менее Сталин забрал его в Наркомнац и сделал своей правой рукой.

Получив в своё распоряжение неплохой по политическому и житейскому опыту состав элит, Сталин начал играть на понижение, низводя людей до уровня дешёвой конспирологии и камланий на тему марксистско-ленинских идей, которые нельзя изменить и тем более предать. Это и только это получалось у него неплохо. С арестом М.Х. Султангалиева стало понятно: никакой добровольности и равноправия нет. Есть единственный путь жёсткой централизации, следуя по которому можно унифицировать пространство, представить его политико-бюрократические контуры «федеративными», установить патрон-клиентские отношения. Этому авторитаризму не мог противостоять принцип формальной законности Конституции. Можно, конечно, пенять на имперскую память, на возрождающееся великодержавие, открывавшие дорогу всевозможным репрессиям и принуждениям. Вместо мечты об избавлении от обязательности ширилась практика принуждения к ней.

Подобный подход к использованию элит усугублял конфликт с их этнокультурным контентом. Личный темперамент, сложные характеры позволяли претендовать на полноту профессиональных функций, болезненно реагировать на вмешательство в сферу их компетенции. Масштаб личности и интеллектуальный потенциал диктовали не только уровень амбиций, их умножал опыт дореволюционных общественных движений, профессиональных практик, часто преследуемых властями. Масштаб личности людей компетентных, убеждённых, несомненно, отражался на статусе занимаемых постов. Первых автономий в статусе республики добились преимущественно восточные

российские регионы – татары, башкиры, казахи, крымские татары, горцы Кавказа и Дагестана, среди них большой авторитет имели джадиды. Их синтетическое движение захватывало не только систему образования, но и общественно-философскую мысль, этические нормы. Оно в политической сфере пыталось «помирить» ислам с демократическими и даже социалистическими идеями. Концептуальный образ автономизируемого этно- и социокультурного пространства России в представлениях и действиях джадидов содержал конструктивные компоненты, синтез западных и восточных начал. Те же практики имели украинские, еврейские, бурятские элиты.

Посетивший СССР в 1931 г. американский поэт Э.Э. Каммингс остался в шоке от столкновения двух миров политических и творческих ценностей, и, как ему казалось, отсутствия интеллектуальной и художественной свободы. В 1948 г. британский поэт и драматург Т.С. Элиот писал: «Цель здесь, я подозреваю, – дать всем местным республикам... иллюзию своего рода независимости, в то время как подлинная власть исходит из Москвы... Советская Россия должна сохранять подчинённость культуры политической теории»²⁸.

Для большевиков СССР стал своеобразным полигоном строительства «Всемирной республики Советов», но в мессианские замыслы вмешивалась проза жизни. Мир этничности требовал адекватной реакции местных элит. Большевики были изобретательны в создании руководящих должностей, новых институтов, механизмов к этническим ресурсам, средств воздействия на этнокультурный контент. Их приходилось терпеть, избегать, отменять и снова придумывать, как и версии и иерархии тех или иных новых смыслов в отсутствие их свободной конкуренции. В республиках ещё видели возможность придерживаться ценностей политического равенства и социальной справедливости и на основе собственных ресурсов строить новое общество, сохраняя свои языки и культурные особенности. Федерализм 1920-х гг. характеризовался, с одной стороны, хозяйственной разрухой, а с другой – образовательными амбициями большевиков, своего рода прыжком в будущее без учёта реалий настоящего, мечтой о самостоятельном развитии, без участия присланных из центра лидеров.

Посетивший СССР ирландский писатель и лингвист Э.Й. Диллон в 1929 г. заметил: «Иногда я думаю, что большевики, сами того не замечая, продолжают находиться во враждебно настроенной к ним стране. Они симулируют существование некоторых желаемых вещей, действуя так, как будто их предположение соответствует действительности»²⁹. В 1930-е гг. примитивным политическим оскалом обернулась практика списывания неудач и трудностей на врагов. В такой оценке присутствовал и мотив межэтнического и межцивилизационного конфликта модернизаторов с модернизируемыми.

Национальные элиты внесли весомый вклад в объединение в советский проект огромного количества этнических групп, оказав этим плохую услугу самим себе. Они открыли тему продажи своего первородства за псевдофедерализм, став обслуживающей проект номенклатурой. Отложена на будущее боль этнопсихологических травм (у каждого этноса они были свои, у татар, например, – травма 1552 г.). Брала верх грубая форма приспособления к малопонятным ещё реалиям индустриализма-модернизма, взаимодействия сложных идей и идеологий.

Эпистемологическая ситуация, в которой развивалась история СССР, не создала общепризнанной иерархии масштабов анализа и единиц измерения себя. Но в 1920-е гг. часто разнородные факты начали складываться исследователями в системные образования нового порядка. Ряд понятий «мигрировал» из одного профессионального сообщества в другие, попутно меняя прагматику и обретая новые функции. Но в период революционного слома старой империи и создания нового типа государства встретились разные времена, глубинные и устойчивые культурные установки, с трудом поддающиеся политическим изменениям, хотя архаичная традиция государственности плохо модернизировалась по своей сути. Ю.К. Олеша с почти детской наивностью писал на рубеже 1929–1930 гг.: «Для

постройки социализма применяются старинные приёмы государственности: в данном случае – хитрость. Ах, товарищи потомки, – на хитрости строился социализм»³⁰.

Библиография

1. «Буржуазные националисты» в Карачае и Черкесии // Северный Кавказ. 1937. № 35. С. 29.
2. Алаг Ирский. Путь горской интеллигенции: беглые очерки анализа // Горская мысль. 1922. № 2. С. 66.
3. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 89.
4. Владимир Бурцев и его корреспонденты / Сост. О.В. Будницкий // Отечественная история. 1992. № 6. С. 114.
5. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)–ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953 / Под ред. А.Н. Яковлева. М., 1999. С. 100.
6. Даниленко В.П. Инволюция в духовной культуре: Ящик Пандоры. М., 2012. С. 225–226.
7. Дела и люди «официальной» Кабарды // Горцы Кавказа. 1929. № 10–11. С. 64.
8. Догуж. Ещё о «коммунистах-националах» // Северный Кавказ. 1936. № 32. С. 18.
9. Замятин Е.И. Бич Божий. Сборник произведений. М., 2016. С. 217.
10. Зеньковский В.В. Пять месяцев у власти. Воспоминания. М., 1995.
11. Карачайлы И. Статьи и очерки. Вопросы атеистической работы и борьбы с пережитками. Черкесск, 1984. С. 98.
12. Кнорин В.Г. Очередные задачи развития театра // Пути развития театра. Стенографический отчёт и решения партийного совещания по вопросам театра при Агитпропе ЦК ВКП(б) в мае 1927 г. М.; Л., 1927. С. 9.
13. Красный террор в годы Гражданской войны. По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков. Сборник документов / Под ред. Ю.Г. Фельштинского и Г.И. Чернявского. Л., 1991. С. 193–194.
14. Красовицкая Т.Ю. Сталин и Луначарский: борьба за административный ресурс школьной политики для нерусских народов (1917–1929 гг.) // *Rozprawy z dziejow oswiaty*. 2011. Т. XLVIII. Р. 73–129.
15. Кутушев Г.З, Акманов И.Г. Формирование аппарата Наркомпроса БАССР (февраль 1919 – сентябрь 1922) // Вестник Башкирского университета. 2012. № 1. С. 780.
16. Мартин Т. Империя положительной деятельности. Нации и национализм в СССР. 1923–1939. М., 2011.
17. Миронов Б.Н. Этническая дискриминация при формировании органов государственной власти СССР // Новейшая история России. 2021. № 1. С. 149–173.
18. Олеша Ю.К. Книга прощания. М., 2019. С. 11.
19. Плаггенборг Ш. Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., 2000. С. 39.
20. Рейн Е. Избранное. Береговая полоса. М.; Париж; Нью-Йорк, 1993. С. 121–122.
21. Сабанеев Л.Л. Воспоминание о России. М., 2005. С. 20.
22. Фрезинский Б. Писатели и советские вожди. Избранные сюжеты 1919–1960 годов. М., 2008. С. 224.
23. Фрунзе М.В. Неизвестное и забытое. Публицистика, мемуары, документы, письма. М., 1991. С. 188.
24. Хренов Н.А. Утопия по-советски: хилиастическая изнанка революционного авангарда // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 2. С. 194–199.
25. Элиот Т.С. К определению понятия культуры. Заметки. Л., 1968. С. 142–143. © <https://russian-history.ru/s086956870017310-2-1/>

Дегтярёв А. Я. Исследование фундаментальных причин распада СССР — актуальная задача нашей науки // Российская история. 2021. № 12. С. 36-39.

Основательные труды Б.Н. Миронова уже не раз будоражили море российской историографии. Используемые им новаторские методы исследования выгодно отличают его работы о развитии российского социума в разные эпохи. Предлагаемые им концепции неизменно рождают острые дискуссии и широко известны за рубежом. Не стала исключением и представленная статья.

Обширная историография распада СССР насчитывает уже сотни книг и тысячи статей. Правда, большинство исследователей чаще всего сосредотачивают своё внимание на политических аспектах этого события. Лишь в относительно небольшом числе работ (В.А. Тишков, Р.Г. Пихоя, Ю.Л. Слёзкин и др.) авторы обращались к исследованию национальных элит в союзных республиках и их влияния на дезинтеграцию Советского Союза. Обратившись к этой проблематике, Миронов привлёк корпус разнообразных массовых источников для понимания сложных процессов, двигавших эволюцию советского социума. Такой подход позволяет понять, как развивалась коренизация в послереволюционной России, завершившаяся, по справедливому заключению автора, к началу 1990-х гг. и повлекшая за собой суверенизацию союзных республик.

Коренизация на протяжении практически всего советского периода имела характер планомерного, обеспеченного необходимой бюджетной составляющей процесса. Она являлась практической реализацией краеугольного для коммунистической идеологии принципа интернационализма. Её поступательное развитие явственно обнаруживается не только в приведённой Мироновым динамике изменений в государственных структурах, но и в социально-экономической жизни. Это хорошо видно, например, при анализе результатов формировавшейся союзным центром образовательной политики. К рубежу 1990-х гг. РСФСР занимала лишь 11-е место среди советских республик по числу людей (в расчёте на 1 тыс. достигших совершеннолетия лиц), имевших высшее и среднее (полное и неполное) образование¹.

Исследование Миронова наглядно показывает, что формирование национальных элит обеспечило их преобладание в местных органах власти и силовых (кроме армии) структурах. Надеюсь, что в дальнейшем автор затронет изменения в республиканских экономических министерствах и ведомствах, которые ко времени распада СССР в подавляющем большинстве также находились в руках национальных элит. Исключение составляли предприятия союзного значения, работавшие в основном на оборону. Удельный вес руководителей «коренной национальности» в производственных отраслях народного хозяйства составлял 60–70%, а, например, в Армении – 99,4%². Союзный центр щедро тратил средства на подготовку местных кадров. В исследованиях последнего времени даже появился тезис о том, что Россия – это «империя наоборот», «империя позитивного действия», «питомник для выращивания новых национальных государств»³.

Оглушивший мир стремительный распад СССР невозможно понять без процессов, протекавших внутри политического ядра государства – КПСС и особенно её высших звеньев – Центрального комитета и Политбюро. С 1917 по 1991 г. членами и кандидатами в члены ЦК являлся 1 931 человек. Следует признать, что до поры до времени это было весьма консервативное сообщество, заметные изменения в котором произошли на последних в истории партии съездах – в 1986 и 1990 гг.

Члены ЦК в силу естественных причин относились к разным историческим эпохам. В первых составах преобладали профессиональные революционеры. Позднее к ним присоединился большой отряд коммунистов, прошедших Гражданскую войну. В 1930–1950-х гг. преобладали участники Великой Отечественной войны и люди, прошедшие школу социалистического строительства. В это время в партии утвердился так называемый номенклатурный принцип. Его оценивают по-разному, но трудно отрицать, что он в течение

нескольких десятилетий обеспечивал стабильность политической системы, поскольку стержнем, вокруг которого он строился, была идейная преданность включённых в высшую партийную номенклатуру кадров. Следующее поколение руководителей, выросшее и сделавшее успешную карьеру в стабильные 1960–1970-е гг., уже не отличалось идейностью, свойственной их предшественникам.

Апофеоз этого процесса пришёлся на вторую половину 1980-х гг. Знаковым событием стал единовременный вывод в апреле 1989 г. из состава ЦК 89 членов и кандидатов в члены, избранных за три года до этого XXVII съездом КПСС. Основанием стали их личные заявления, но по сути выход был добровольно-принудительным, что нарушало основополагающий принцип демократического централизма. На это же время пришлась «перетряска» и ослабление Политбюро, из которого постепенно вывели большую группу руководителей союзных ведомств, преимущественно русских (В.И. Воротников, Н.И. Рыжков, Л.Н. Зайков, Ю.Д. Маслюков, В.А. Крючков и др.).

По итогам XXVIII съезда КПСС состав ЦК был обновлён на 80%. Это фактически означало разрыв преемственности: в высшей партийной структуре оказалось немало людей активных, но не прошедших достаточной политической и жизненной школы, нередко – прямо враждебных идеям социализма. К примеру, А.И. Гельман, «драматург, работающий по договорам» (так он обозначен в списке членов ЦК) уже через полтора месяца после избрания объявил о выходе из КПСС.

Итоги послесъездовского организационного пленума ЦК свидетельствуют, что коренизация к этому моменту достигла своего апогея. Из 29 членов нового Политбюро только М.С. Горбачёв и В.А. Ивашко состояли в нём ранее, 21 – представляли национальные республики, причём доля русских оказалась меньше трети. Неудивительно, что такой искусственно сконструированный высший властный орган оказался недееспособен и в критический для страны момент, в августе 1991 г., даже не собрался, чтобы обсудить происходящее. В его роли выступил секретариат ЦК, сумевший к исходу третьего дня путча выработать официальное заявление. В нём повторялись тезисы о «всестороннем обновлении советского общества» и «приверженности курсу на демократическое обновление». Не называя ГКЧП, авторы заявили, что секретариат считает «недопустимым использование временных чрезвычайных полномочий для установления авторитарного режима, создания антиконституционных органов власти». Завершался документ призывом «не допускать сбоя трудового ритма, уделять особое внимание уборке урожая и подготовке к зиме»⁴. Но зима пришла уже в другую страну.

Важным вопросом, больше других волнующим исследователей и широкую общественность, является роль Горбачёва и его сподвижников в организации тектонических процессов, разрушивших СССР. Огромное число людей, в том числе многие историки и политологи, искренне считают, что несколько человек, обладавших высшей властью, сознательно разрушили державу. На мой взгляд, импровизации Михаила Сергеевича и его команды сыграли роль навесного порохового ускорителя, предназначенного для быстрого разгона реактивных систем. Придав основному объекту нужное стартовое ускорение, этот агрегат был отброшен в сторону, а «ускорителем» стала объявленная в стране «перестройка». Примечательно, что до этого ключевым политико-идеологическим термином служило «ускорение», необходимость которого генеральный секретарь провозгласил на пленуме ЦК КПСС 23 апреля 1985 г.

Импровизации, подчас разбавленные откровенными авантюрами вроде продырявившей бюджет антиалкогольной кампании, характерны для всего периода правления Горбачёва. История этого «воцарения» – типичный пример классических драм политического закулисья – стала постепенно проясняться лишь спустя многие годы, причём в немалой степени благодаря самому Михаилу Сергеевичу. В ноябре 2012 г., представляя свою книгу «Наедине с собой», он рассказал о беседе с А.А. Громыко 10 марта 1985 г., состоявшейся через несколько часов после смерти К.У. Черненко и за полчаса до срочно созванного поздним вечером заседания Политбюро. Скорость диктовалась целью и удачно

сложившимися обстоятельствами. Трое весьма авторитетных, причём критически относившихся к Горбачёву членов Политбюро отсутствовали в Москве: Д.А. Кунаев пребывал в Алма-Ате, Г.В. Романов проводил отпуск в Паланге, а В.В. Щербицкий находился с визитом в США. В случае их участия в обсуждении вопроса о преемнике шансы Михаила Сергеевича оказались бы невысокими.

Пятиминутный, по признанию Горбачёва, разговор с Громыко был, по сути, политической сделкой: в обмен на поддержку своей кандидатуры престарелому патриарху советской внешней политики был обещан пост Председателя Президиума Верховного совета СССР. Андрей Андреевич, известный во всем мире как «Мистер Нет», на этот раз сказал «да», о чём, по свидетельству ближайших родственников, в конце жизни горько сожалел⁵.

О том, как готовилась судьбоносная «пятиминутка», поведал в 2000 г. А.Н. Яковлев⁶. В 1983 г., после 10-летней «посольской» ссылки в Канаду, он был назначен директором Института мировой экономики и международных отношений АН СССР и, по его словам, скоро превратил его в базовую научную структуру, работавшую на Горбачёва. Незадолго до смерти Черненко Александру Николаевичу позвонил директор Института востоковедения Е.М. Примаков и сообщил, что сын министра иностранных дел А.А. Громыко Анатолий хотел бы встретиться с ним. В ходе двух встреч Громыко-младший поведал, что отец с уважением относится к Горбачёву, «хотел бы сыграть инициативную роль в судьбе Михаила Сергеевича» и «мог бы хорошо воспринять назначение в Верховный совет». Это предложение было сразу принято Горбачёвым. Громыко-старший сыграл ключевую роль в его избрании генеральным секретарём на заседаниях Политбюро 10 и 11 марта 1985 г. и на пленуме ЦК.

Михаил Сергеевич видел скрытое негативное отношение к нему некоторых членов Политбюро, поэтому в короткий срок в руководстве партии была произведена энергичная «зачистка»: 1 июля 1985 г. отправлен в отставку главный соперник вновь избранного генсека Г.В. Романов. В то же время активные участники мартовских событий быстро вошли в высший правящий круг. Яковлева назначили заведующим отделом пропаганды, в 1986 г. он стал секретарем ЦК, а затем и членом Политбюро. Отличавшийся вдумчивой самостоятельностью и поэтому не всегда удобный Примаков в 1989 г. ненадолго стал кандидатом в члены Политбюро.

В результате интернациональной по своей сути и в целом позитивной для населения советских республик политики коренизации страна подошла к грани, за которой началась лавинообразная суверенизация. Распад СССР, как показано в обсуждаемой статье, был не столько прихотью капризных и своевольных правителей, сколько результатом глубинных процессов. Он мог быть на какое-то время отложен при другом раскладе политических сил (например, в случае прихода к власти Романова). Но графитовые стержни, поглощавшие избыток национальных амбиций, оказались недальновидно удалены из союзного реактора в ходе непродуманной «перестройки», о которой слышали все, но суть её (не путать с результатом) объяснить сегодня мало кто сможет.

Библиография

1. Андрей Громыко пожалел, что предложил Горбачёва на пост генсека. Интервью с директором Института Европы РАН А.А. Громыко // Комсомольская правда. 2014. 18 июля.
2. ГКЧП СССР. Сборник опубликованных документов (август 1991 года). М., 2011. С. 28.
3. Народное хозяйство СССР в 1989 году. М., 1990. С. 188.
4. Феномен этнического конфликта: междисциплинарный подход и общественные практики. Опыт предупреждения и урегулирования конфликтов. М., 2018.

Суни Р. Г. Национальный вопрос и распад Советского Союза // Российская история. 2021. № 12. С. 40-42.

С помощью тщательно выверенных количественных данных Б.Н. Миронов демонстрирует, что Коммунистическая партия, по сути, продолжала политику коренизации вплоть до распада Советского Союза. Он утверждает, что, будучи сформированными ленинской национальной политикой, республиканские элиты были заинтересованы в усилении своей власти и постепенно перешли от лояльности советскому проекту к поддержке национальной независимости. Я бы сказал, что первое его утверждение – о национализации элит – бесспорно верно, но второе, – что они были заинтересованы в национальной независимости, – нуждается в уточнении и дополнении.

В своей книге «Месть прошлого: национализм, революция и распад Советского Союза» (1993)¹ я утверждаю, что националистические и сепаратистские устремления лишь частично объясняют распад СССР. Гораздо большее значение имели чрезмерно амбициозная программа реформ М.С. Горбачёва и некомпетентность, с которой она осуществлялась, снижение материального благосостояния населения, развал экономики и нежелание советских лидеров использовать доставшуюся им власть для поддержания порядка и сохранения государства. Вот как я выразился в 1993 г.: «Распад Советского Союза произошёл в результате длительного упадка и поспешной программы радикальных реформ, начатой Горбачёвым... Но эти мощные факторы не обязательно должны были привести к краху системы и распаду Союза. Конечный результат зависел от множества других факторов: одновременное проведение политических и экономических реформ; неспособность (или нежелание) Горбачёва с самого начала использовать власть, которой он обладал, для контроля над оппозицией в партии, обществе и нерусских республиках; решимость многих политических деятелей и особенно русской и нерусской интеллигенции, добиваться более радикальных перемен; и, конечно, судьбоносное решение консервативных коммунистов совершить государственный переворот против Горбачёва»². В 1980-х гг. в СССР не было кризиса, пока его не создала сама верхушка Коммунистической партии. Как только началась перестройка и гласность, власти, которые не имели чёткого представления о том, какую систему они строят, потеряли контроль над страной. В тот момент не только элиты, но и интеллигенция в советских республиках быстро подсчитали, что их жизнь можно улучшить, отделившись от разваливающегося Союза.

Политолог Дж. Хаф изложил этот аргумент более подробно. «Российская революция 1990–1991 гг., – писал он, – была настоящей революцией среднего класса, революцией бюрократов, буржуа, которые управляли средствами производства». Как только правящая элита в СССР потеряла доверие к старой идеологии, она осуществила собственную революцию «сверху». Хаф также отметил, что «когда стало ясно, что приватизация возможна, амбициозные люди, работавшие в государственной и экономической бюрократии, – и интеллектуалы по своей профессии – смогли увидеть, какую выгоду они могут извлечь из революции, которая узаконила частную собственность и частный бизнес»³. Ключом к анализу Хафа были идеи и язык, которые, как ни странно, широко использовались политическими оппонентами, например М.С. Горбачёвым и Б.Н. Ельциным. Потеряв веру в государственный социализм, их сторонники обратились к нынешней городской игре – неолиберальной экономике. Могильщиками системы были не пролетариат Маркса, а высококомобильные дети пролетариата. Демократизация пришла «сверху», не от масс, а как продукт советского промышленного, городского, образовательного и культурного развития. «Революция не была “вызвана” плохими экономическими показателями государства, националистическим давлением со стороны союзных республик, недовольством населения отсутствием свободы и потребительских товаров или усилиями по либерализации диктаторского режима», – отмечал Хаф⁴.

Проблема Советского Союза заключалась не в слабости государства, а в «слабости духа» тех, кто им руководил⁵. Не веря более в марксизм-ленинизм, Горбачёв разрушил те

самые институты, которые ему требовались для построения нового, более либерального и демократического государства. Не будучи Авраамом Линкольном или Дэном Сяопином, он создал «революционную ситуацию, вместо того чтобы усмирить зарождающуюся революцию». И, что хуже всего, он, столкнувшись с оппозицией, не пожелал использовать инструменты государственной власти, армию и полицию, позволив Советскому Союзу развалиться, по сути, без борьбы и в тот момент, когда «большая часть населения, до и после, выступала против распада»⁶.

Анализируя провал реформ и демократизации в СССР, Хаф продемонстрировал, как теория социальных наук может освещать события. В этом случае он опирается на влиятельную работу М. Олсона о логике коллективных действий⁷. По мнению Хафа, «Горбачёв отказался использовать силу, достаточную для обеспечения соблюдения советских законов и подавления сепаратизма». Перестройку, таким образом, подорвало «не применение силы, а отказ Горбачёва взять на себя ответственность за её незначительное применение»⁸. С одной стороны, он оказался неспособен создать институты и стимулы для демократической рыночной системы; а с другой – поддерживать порядок с помощью доступных инструментов силы.

Хотя в моей книге 1993 г. есть оттенок сожаления по поводу того, что революция, начатая обычными трудящимися, закончилась деспотизмом, анализ Хафа имеет оттенок трагедии. Но это не трагедия структурной неизбежности или судьбы. Советский Союз не был обречён на распад, а советский народ – на то, чтобы жить при авторитаризме из-за какого-то внутреннего, причудливого национального характера. Это была трагедия сильных мира сего, злоупотребляющих своей властью (что в целом является нормальным способом функционирования политики), трагедия, вызванная элитой, которая воспользовалась возможностью превратить демократические преобразования в самовозвеличивание власти и собственности. И Хаф, и я считаем, что конъюнктура, приведшая Горбачёва к власти, не обязательно должна была привести к распаду страны. Китайская история авторитарных реформ в направлении государственного капитализма оказалась гораздо более успешной: государство было сохранено, свободы увеличены, быстро развивалась экономика. В то же время Коммунистическая партия Китая жестоко подавила протесты на площади Тяньаньмэнь и с тех пор не ослабила контроль над страной.

Известно циничное выражение, что каждая страна получает то правительство, которого она заслуживает, и эпоха В.В. Путина и Д. Трампа заставляет задуматься над обоснованностью этого утверждения. СССР обладал потенциалом для прогрессивной, либеральной эволюции, но когда центр дрогнул, интересы многочисленных действующих лиц разрушили систему и Союз. Простые люди уходили с улиц, шли на работу и заботились о своих семьях. Те же, кому повезло или кто был достаточно продажен, чтобы работать с государством Ельцина, обогащались и продвигали новый авторитаризм.

Библиография

1. Hough J.F. Democratization and revolution in the USSR, 1985–1991. Washington, 1997. P. 1.
2. Olson M. The logic of collective action: public goods and the theory of groups. Cambridge, 1965.
3. Suny R.G. The revenge of the past: nationalism, revolution, and the collapse of the Soviet Union. Stanford, 1993.